

доброе вести

(из писем читателей)

выставка работ фотоколлектива Могилевской области была открыта в Подольске. Ее организатор — Менсозойный дом салютного творчества Могилевского профсоюза. На выставке было представлено более 400 работ, изображающих земли, связанные с сегодняшним днем Подольска, запечатлевших красоты природы.

И. ГЛОТОВА.**Подольск.**

новый химический состав для удаления загрязнений из различных скульптур разработан специалистами Государственного Экспериментального института им. А. С. Гомберга. Госкомитет ССРР по делам изобразительного искусства и открытый принял решение выдать ленинградским авторам свидетельство.

В. КОНЯХИН.**Ленинград.**

выставка самовыражения открыта в Крымском парке культуры и отдыха. На выставке представлены работы из частной обширной коллекции, собранной директором Симферопольской детской художественной школы В. Вознесенским.

В. БАРАБУХ.**Симферополь.**

экстрадион-танцевальная ансамбль «Балет» Бурятской государственной филармонии побывал на турниках сельского хозяйства и сельского общества. Актеры ансамбля представили народные танцы из коллекции — «Лягушка», «Красавица и Чудо-Мужик», «Дядя Степа», «Свадьба в деревне».

Л. ЦЫРЕМПИЛОВ.**Кировская область.**

специализированный детский киноконцерт состоялся в Барнауле. В нем демонстрировались хроникально-документальные, научно-популярные, художественные фильмы для юных зрителей.

И. ВОЛКОВ.**Чебоксары.**

народная картина Галины Петровой открылась в Брестской областной выставке изобразительного искусства. В ней демонстрировались хроникально-документальные, научно-популярные, художественные фильмы для юных зрителей.

Н. ШИБАНОВ.**Саранск.**

имя павла петровича бажова присвоено первому лицу администрации Брестской области. Премьером стала пьеса А. П. Бажова-Гайдара и писателя Е. Пермана.

А. ОРЛОВ.**Пермь.**

РУШНИК НА ПАМЯТЬ

Славится белорусская деревня Могилев не только богатым колхозным достоянием, но и талантливыми мастеровыми людьми. В любом доме здесь можно увидеть настоящую выставку народного творчества. Стены украшены красочными лыжными рушниками, на столах — тканые скатерти с яркими узорами, подстилки с кирзовитым белорусским орнаментом. Почти во всех катах на почетном месте — ткацкий станок. Но зря, видно, существуют тут обычай: когда могилевская девушка выходит замуж, то родственники дарят ей белорусский национальный свадебный наряд, вышитый искусствами мастерами.

И. ГЛОТОВА.
Подольск.

новый химический состав для удаления загрязнений из различных скульптур разработан специалистами Государственного Экспериментального института им. А. С. Гомберга. Госкомитет ССРР по делам изобразительного искусства и открытый принял решение выдать ленинградским авторам свидетельство.

В. КОНЯХИН.**Ленинград.**

выставка самовыражения открыта в Крымском парке культуры и отдыха. На выставке представлены работы из частной обширной коллекции, собранной директором Симферопольской детской художественной школы В. Вознесенским.

В. БАРАБУХ.**Симферополь.**

экстрадион-танцевальная ансамбль «Балет» Бурятской государственной филармонии побывал на турниках сельского хозяйства и сельского общества. Актеры ансамбля представили народные танцы из коллекции — «Лягушка», «Красавица и Чудо-Мужик», «Дядя Степа», «Свадьба в деревне».

Л. ЦЫРЕМПИЛОВ.**Кировская область.**

специализированный детский киноконцерт состоялся в Барнауле. В нем демонстрировались хроникально-документальные, научно-популярные, художественные фильмы для юных зрителей.

И. ВОЛКОВ.**Чебоксары.**

народная картина Галины Петровой присвоено первому лицу администрации Брестской области. Премьером стала пьеса А. П. Бажова-Гайдара и писателя Е. Пермана.

А. ОРЛОВ.**Пермь.**

удивительные свойства человеческой памяти. Прочитав в статье «Психон-ко-возмущительном случае» в Ростовском тюце, я вдруг вернулся почти на полвека назад, в свое собственное отчество. И побудила меня сделать это строки в адрес учительницы, которая сидела в зале видеана, как ее ученики глумятся над искусственно-юльюми, и не вмешалась. Она промолвала да-же тогда, когда прозвучал вопрос, есть ли в зале кто-нибудь из педагогов школы, в которой учился Женя Ф., чья встреча с театром окончилась столь печально. Я спросил себя, могло ли такое случиться в нашей воронежской школе, в нашем старом театре, отнюдь не баловавшемся юными зрителями: специальным репертуаром, а родителями — театральным всеобщечесом.

Нет и еще раз нет! Этого не могло произойти не потому, что мы были лучше наших пятнадцати-шестидесятилетних. Мы меньше знали и не видели всего того, что так широко представляют нам кино, телевидение, обширные домашние библиотеки, усовершенствованные методы обучения. С высоты прошитых лет и не склонен умножать своим поколению, далеким от мысли, что в наше время сахар был сладче, а снег бледнее. Мы были обычайные малыши и дачники со всеми присущими возрасту сложностями, отклонениями, недостатками. И все-таки я рукался, что ни один из нас не поступил бы, как Женя Ф. И потому только что она была лучше. Она — наша учительница Александра Ивановна Лепина. И когда через десять лет после окончания школы, за год до войны, я вернулся в родной Воронеж, как всегда, первое, что сделал, — пошел к ней.

Моя учительница одним своим видом словно бы сносила верную меня в прошедшую юность. По-прежнему угловатая, худая, с внимательными строгими глазами, на дне которых пряталось что-то такое, что и сегодня можно было бы увидеть в глазах Ивановны. Наверное, именно поэтому, прочитав о тебе, спрятавшемся в зрительном зале учительнице, я подумал о нашей Александре Ивановне. Да, прав автор статьи, говоря, что далеко не всякий педагог может стать духовным наставником подростка. А ведь именно с этого все и начинается. Курс литературы, который читала нам Александра Ивановна, выходил за рамки элементарного приучения к книге и приготовления уроков. Это всегда было удивительно увлекательно. Сама личность писателя, его духовный мир подавалась с такой увлеченностю, на которую способен только очень интересный, талантливый человек.

Она учила нас думать, исключая мотивы человеческих поступков и на занятиях школьного драмкружка, во время

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходят вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у конвоиров распоясал ее достоинство,

— А скоро прекрасные изделия народных мастеров разместятся в новом фарфоровом музыкальном салоне сегодня действует женский клуб «Октябринка», проходит вечера народных мастеров из разных стран.

Л. ВЕЧЕРКИН.

сотрудник научно-методического центра Министерства культуры ВССР.

С. МОГОЛЬ.
Брестская область.

репетиций «Горы от ума». «Подум проще», — говорила она, и ее сестра Ольга Назарова.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, называли, что собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел уничтожить гордую «учительку», на глазах у

приглашаем к дискуссии

творческий процесс:
обретения и потери

...И ЦЕЛОЕ НА ЧАСТИ НЕ ДЕЛИТЬ

Мне как актеру режиссер совершил необходимое. Я режиссерским мышлением, властел и не считал это каким-то изъятием моей творческой индивидуальности. Я артист. И я иду от режиссера направления поисков, русла, по которому должен вести психологическое исследование характера своего героя. Мне нужно, чтобы режиссер четко и точно определил, что я должен сыграть, что с моей помощью театр намерен сказать людям. И я очень страшно, что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно горькую спасибо в комическом образе и добавить мятной ульбки (на пельмы веселые) в трагической ситуации. Мой Бернард Шоу в «Милом джентльмене» вспоминает о смерти матери, которую бедногу забыл. Но говорит он об ее смерти и с трагедийным настроем, а бодро, как будто живой, люблю его, верная красоту бытия. Поэтому что люди, живущие на земле, несут на себе эстафету материинской любви. Текущий закон природы.

Радость принесла мне и работа над образом сэра Джона Фальстафа в шекспировском «Генрихе IV». Может, именно потому, что не столько комедийный обожар и жизнелюбие сколько печальный образ человека, судьба которого надломлена. Это именем старой, веселой Англии...

Всю свою актерскую жизнь я мечтал сыграть Кола Брониона. Я мечтал сыграть этого художника, вышедшего из плебеских низов, живое воплощение народного простодушия и народного юмора, неизысканного, неистощимо энергичного оптимиста. Вообще, и в жизни, и в искусстве я оптимист. И образ Кола Брониона — любимый с детства, всеми своим удивительным народным жизнелюбием.

Увы, спектакль не удался. Это привнесло мне большую боль, боль утраты близкого и родного человека. Наверное, я сам во многое виноват в произошедшей тогда неудаче, но душа моя требует от простоты — против народомождения на сцене неслыханных, совсем чужеродных конструкций, которые мешали играть и загоняли кудахтать в угол, напрочь вытеснив доверительную, дружескуюintonацию, поэтичность и лиризм, без которых согласитесь, Кола Брониона не может жить на сцене. Сама инсценировка выразила недоверие к Ромео и Ромелли. Театр пытается его приукрасить, дополнить, украсить. И, конечно же, потерпел фiasco.

Доброта, умение видеть свет в лабиринтах души человеческой... Я не могу не вспомнить роль Порфирия Михаилова в «Перегородке», когда он взглянул на компрометации

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Мне особенно дорог Театр им. Евг. Вахтангова тем, в частности, что здесь в один вечер можно увидеть и насладиться играми таких мастеров, как Ю. Борисова, М. Ульянин, Ю. Яновлев...

Я уверена, что актеры такого масштаба перестали быть гордостью только одиночества вахтанговского театра.

Но разве они сделали и делают все, что могут? Например, Ю. Борисова. Да, она играет много. Но разве актеры получают все, что она может? Р. Симонов отличился тем, что впервые заставил ее ярко индивидуальность и считал необходимым занять ее в пьесах.

А. КИРСАНОВА.

Читая статью Б. Любимова «Промежуток или накопление?», можно прийти к мысли, что в театре сейчас происходит застой. (С этим я не согласна, я бы сказала, что настал некоторый спад.)

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих сценографических «излишеств», все это отнюдь не восполняет отсутствия мастерства у молодого исполнителя. И мы подчас пытаемся прикрыть неумение некой модной позой. Даже манера говорить — привнесшая этакий ритмизированно-монотонный, маскирующий отсутствие вынятой и четкой техники речи, элементарной речевой культуры.

Нет, классика не должна сходить со сцены. Разумеется, классика, поставленная с полным влюбленным доверием и автору. Без крикливой и утомляющей так называемой модернизации. Это нужно исполнителям в той же мере, что и зрителям.

А ведь я знаю даже актеров средних лет, никогда не игравших Чехова и Шекспира. Что уж говорить об артистической молодежи.

И, конечно, без современной драматургии, в сегодняшнем театре, ни сегодняшней артистки сформироваться не могут.

Я считаю, что мне повезло. Я сыграл две прекрасные роли в арбузовских пьесах. Пусть это было давно, но ничего равного им я не встречал в пьесах современных драматургов. Это Сердюк в «Иронии истории» и Балашинов в «Сказках старого Абата».

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих сценографических «излишеств», все это отнюдь не восполняет отсутствия мастерства у молодого исполнителя. И мы подчас пытаемся прикрыть неумение некой модной позой. Даже манера говорить — привнесшая этакий ритмизированно-монотонный, маскирующий отсутствие вынятой и четкой техники речи, элементарной речевой культуры.

Нет, классика не должна сходить со сцены. Разумеется, классика, поставленная с полным влюбленным доверием и автору. Без крикливой и утомляющей так называемой модернизации. Это нужно исполнителям в той же мере, что и зрителям.

А ведь я знаю даже актеров средних лет, никогда не игравших Чехова и Шекспира. Что уж говорить об артистической молодежи.

И, конечно, без современной драматургии, в сегодняшнем театре, ни сегодняшней артистки сформироваться не могут.

Я считаю, что мне повезло. Я сыграл две прекрасные роли в арбузовских пьесах. Пусть это было давно, но ничего равного им я не встречал в пьесах современных драматургов. Это Сердюк в «Иронии истории» и Балашинов в «Сказках старого Абата».

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих сценографических «излишеств», все это отнюдь не восполняет отсутствия мастерства у молодого исполнителя. И мы подчас пытаемся прикрыть неумение некой модной позой. Даже манера говорить — привнесшая этакий ритмизированно-монотонный, маскирующий отсутствие вынятой и четкой техники речи, элементарной речевой культуры.

Нет, классика не должна сходить со сцены. Разумеется, классика, поставленная с полным влюбленным доверием и автору. Без крикливой и утомляющей так называемой модернизации. Это нужно исполнителям в той же мере, что и зрителям.

А ведь я знаю даже актеров средних лет, никогда не игравших Чехова и Шекспира. Что уж говорить об артистической молодежи.

И, конечно, без современной драматургии, в сегодняшнем театре, ни сегодняшней артистки сформироваться не могут.

Я считаю, что мне повезло. Я сыграл две прекрасные роли в арбузовских пьесах. Пусть это было давно, но ничего равного им я не встречал в пьесах современных драматургов. Это Сердюк в «Иронии истории» и Балашинов в «Сказках старого Абата».

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих сценографических «излишеств», все это отнюдь не восполняет отсутствия мастерства у молодого исполнителя. И мы подчас пытаемся прикрыть неумение некой модной позой. Даже манера говорить — привнесшая этакий ритмизированно-монотонный, маскирующий отсутствие вынятой и четкой техники речи, элементарной речевой культуры.

Нет, классика не должна сходить со сцены. Разумеется, классика, поставленная с полным влюбленным доверием и автору. Без крикливой и утомляющей так называемой модернизации. Это нужно исполнителям в той же мере, что и зрителям.

А ведь я знаю даже актеров средних лет, никогда не игравших Чехова и Шекспира. Что уж говорить об артистической молодежи.

И, конечно, без современной драматургии, в сегодняшнем театре, ни сегодняшней артистки сформироваться не могут.

Я считаю, что мне повезло. Я сыграл две прекрасные роли в арбузовских пьесах. Пусть это было давно, но ничего равного им я не встречал в пьесах современных драматургов. Это Сердюк в «Иронии истории» и Балашинов в «Сказках старого Абата».

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих сценографических «излишеств», все это отнюдь не восполняет отсутствия мастерства у молодого исполнителя. И мы подчас пытаемся прикрыть неумение некой модной позой. Даже манера говорить — привнесшая этакий ритмизированно-монотонный, маскирующий отсутствие вынятой и четкой техники речи, элементарной речевой культуры.

Нет, классика не должна сходить со сцены. Разумеется, классика, поставленная с полным влюбленным доверием и автору. Без крикливой и утомляющей так называемой модернизации. Это нужно исполнителям в той же мере, что и зрителям.

А ведь я знаю даже актеров средних лет, никогда не игравших Чехова и Шекспира. Что уж говорить об артистической молодежи.

И, конечно, без современной драматургии, в сегодняшнем театре, ни сегодняшней артистки сформироваться не могут.

Я считаю, что мне повезло. Я сыграл две прекрасные роли в арбузовских пьесах. Пусть это было давно, но ничего равного им я не встречал в пьесах современных драматургов. Это Сердюк в «Иронии истории» и Балашинов в «Сказках старого Абата».

А потом наступили для меня долгие годы ожидания. Интервьюеры всегда спра-

шиваются артистов: «Кого вы хотели бы сыграть?». «Современника», — звучит всегда один и тот же ответ. Это приобрело уже характер инерции. Что делать, и в итоге на этот вопрос отвечать не смог бы. И это не дает мне артистом.

Петровича в инсценировке «Преступления и наказание». Меня увлек этот образ своей сложной, неоднозначной, я бы сказала, мундирной бордотой... Я вспоминаю эти свои роли русской и мировой классики, чтобы сказать: они сделали меня артистом.

Я ишу их настойчиво, всякий раз, в любой роли. Поэтому что я живу ведь все не просто, не разведен по полосам, не разложено по полочкам.

Мне обязательно нужно верить в нее, и не могу не высказать свою тревогу за ее совершенствование. Она не прошла школы классики, не обладает краснавностью импронизацияционного театра, легкой пластики, поставленным голосом, фантазией, которая должна бодрствовать не только зрителю, но и самим артистам каждого вечера завоевывать. Всике постановочные приемы, идущие от лукавого, когда правое ухо мы стараемся во что бы то ни стало достать левой рукой, когда, уходя со сцены, артист вынужден пробираться через народные нагромождения местала, трапов, деревянных стаканов и прочих

КОРТОК
о разномПУТЕШЕСТВИЕ
ПО КИРИГИЗИИ

Работы пяти художников на выставке, открытой в залах Союза художников СССР, по улице Горького 25, представляют интересный творческий коллектива, который сломился в городе Ош. Всего четыре года назад была создана организация Союза художников Киргизии, но ей, как говорится, уже есть что представить на суд зрителей.

В живописных полотнах, в портретах художники А. Асангулова, в пейзажах Б. Джаныева, в картинах, посвященных современной молодежи, созданных А. Байшевовым, в скульптурах, которые демонстрируются на выставке Д. Ходзедзе, в изящных, проникнутых глубоким пониманием национальных традиций произведениях декоративно-прикладного искусства Г. Кесимова — во всех этих работах — московской экспозиции находят отражение яркие и выразительные черты сегодняшнего искусства Киргизии.

Т. МЕДВЕДЕВА.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Опыты были начаты в 1936 году, а сегодня ученики Батумского ботанического сада Вероники Клименко и Арчила Татарашвили могут сказать, что наука получила успешный результат. Они вывели новый сорт мандарина, который дает самый высокий урожай среди всех известных сортов. Плоды составляют 4 тонны плодов с гектара.

«Минуринец», как называют его авторы, имеет грушевидную форму, вкусовые качества мандарина и цитруса, долго сохраняется, не боится длительных перезнаков. Он прошел государственные испытания. Теперь саженцы будут переданы колхозам, и саженцы расплодятся.

В. ЛИАНОЗОВ.

ДЕД И КВИНТЕТ

Так в шутку говорят члены банды о А. Дудинове и его внучке. Александр Иванович возглавляет созданный им домашний кинетит. В свободное от школы время внуки бегут в руки аккордеонистам, и начинаются уроки музыки. Есть журнал «Успехов», куда глава необычного ансамбля выставляет оценки. Среди них качественно можно видеть даже пять с плюсом. Но это относится к проявлениям педагогической деятельности. Внучки действительно редуют своим успехами. В репертуаре домашнего кинетита — около 90 музыкальных произведений.

В. БОРОХОВ,

наш соб. корр.

ЧЕЛЯБИНСК.

ВСЕГДА В ПУТИ

Кинокамеру автомобилистки Д. Кунцу из Иссык-Кульской районной дирекции киноискусств подарили в подарок. Киноискусство было для Дины четырех лет, чтобы выполнить производственное задание десантной пятивки. С накидающимися кинопленками она сняла фильм о воспитании юных кинематографистов отечественного киноискусства. Внучка стала настоящим мастером. Впервые в ее фильме были сняты сцены из жизни детей.

А. ШАКЕЕВ.

НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Иркутский краеведческий музей пополнился новыми экспонатами. Обширная часть архива одного из основателей Иркутского отделения Союза художников СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Лебединского подарили музею doch художника И. Киселева. Часть материалов посвящена развитию культуры в области. Готовится выставка, посвященная 90-летию со дня рождения художника.

Ю. ШУМАЙЛОВ.

Иркутск.

ГАСТРОЛЬНАЯ АФИША ФЕВРАЛЯ

Дни культуры Чехословакской Социалистической Республики, посвященные 35-летию освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков, станут яркими праздниками. Арибузы наших народов. Они пройдут с 25 февраля по 5 марта во многих городах южных и автономных республик. В дни культуры примут участие ведущие творческие коллективы и исполнители братской страны.

В февральскую афишу включены концерты артистов почти из двадцати стран.

Любителям фортепианной музыки предстоит встречи с племянниками: Изумоми Татено (Япония), Денисом Барашем (Румыния), Индрой Крамлеровой (Чехословакия), Дильтой Кини (Венгрия), Бриджит Аннерер и Бернардом Флэшними (Франция), Богданом Чапесским (Польша).

Органическая музыка в исполнении Жана Бульфа (Нидерланды) прозвучит в концертных залах Вильнюса, Ленинграда, Риги, Минска и Москвы. Финансом организует Тауно Айкава любителей во Львове, Киеве, Кишиневе и в Москве.

Оркестры местных филармоний будут дирижировать

ФОТОКОНКУРС

• В. ЧУМАКОВ. «Здравствуй, зима! Последний месяц!»

• Г. ТКАЧЕНКО. «Почти как в «Русалке в Любляне».

ИХ ЗНАЮТ
ЗЕМЛЯКИРУКАМИ
НАРОДНОГО
МАСТЕРА

Чешское панно «Ленин в Смоленске» посвящено 110-летию со дня рождения великого художника Франце Егнаэрия. Это произведение входит в цикл «Идем, Ленин! живут и побеждают», который художник-любитель, рабочий чешского шинного завода, говорит о знаменательной дате.

Франце Егнаэрий — участник многих республиканских и всесоюзных выставок, его работы входят в экспозицию Музея народного творчества Армении.

Г. ГАЛУСТЯН.

МУЗЕИ
ФОРЬЯЛОРА

В одной из районных школ Якутской АССР много лет работает учитель коммунист Николай Тарасович Степанов — сородич Фольклорных: пронаведший якутского народа. В фонде Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР хранятся переданные им более 600 сказаний, песен, пословиц, поговорок, загадок.

Он же создал при школе музея якутской литературы и фольклора, в котором свыше 7.000 экспонатов.

В. АФАНАСЬЕВ.

ОРЕХОВЫЕ
РОЩИ ШОФЕРА

У этого человека полезная страсть: сажать деревья.

Бескрайний труд 85-летнего киевлянина А. Т. Герасимова, воплощаясь в десятках гектаров зеленых посадок, больше всего из, конечно, в столице Украины. На улице Ивана Сергиевича — это парк, где в мае цветут три тысячи деревьев, в июле — три тысячи кустарников, в сентябре — три тысячи лиственных деревьев, в октябре — три тысячи хвойных.

— Кто имеет наибольшие шансы на общий успех?

Сейчас сложилась такая ситуация, что на победу в неофициальном командном зачете могут рассчитывать команды СССР, ГДР и США. Это прежде всего связано с тем, что значительные успехи в зимних видах спорта добились наши друзья из ГДР. А в США за последние время были принятые энергичные меры для ликвидации отставания вообще в спорте и в частности, в горнолыжном спорте, который является нашим гордостью. Спортсмены из СССР, в частности из горнолыжников, показывают хорошие результаты.

— И высокие результаты?

— Ессентуки. Хотя Лейпциг не расположен в высокогорье, там часты сильные ветры и морозы и впрямь бы не имелись идеальные условия для горнолыжного спорта.

— Как готовы к предстоящим «сражениям» советская делегация?

— Мы считаем — весьма основательно. Наши пред-

ставители, кроме бобслея, выступают по всему программе.

— Спасибо за интервью!

Б. ХОВА.

ТИШЕ,
ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ!

Загадка для меня клоун. Но еще большая загадка — ребята, которых я не дюхал не третим туре привычных экзаменов в цирковой студии Всеобщей дирекции по подготовке цирковых программ, аттракционов и номеров. Что же привело сюда? Неужели эти двадцатипятилетние парни уже чувствуют в себе силу для такого неслыханного пути? А может, это просто заблуждение молодости?

Да, не будем обольщаться — конкурсатели выглядят достаточно скромно, «некрасивы» и «недружелюбны» обличиями. Одного из них даже называют «Анджелиной». И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Фокусники». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»

И он ту же начинает «живить» этого «зайца» дальше.

Другой конкурсатели показывает пантомиму «Сказки». Малоизвестные аплодисментами этой самой коммисии.

Клоун — это воображаемый ящик, доистория которого языком займет в коммисии: «А дальше?»